

Владимир Гайнулин

РАССКАЗОВ О ЛЮБВИ

Владимир
Гайнулин

РАССКАЗОВ О ЛЮБВИ

Владимир Гайнулин

7 рассказов о любви

<https://litres.ru/74078953>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов , написанных современным автором о разных периодах нашей истории, о разных людях, зачастую попадающих в непростые жизненные ситуации, в которых раскрывается их незаурядные характеры и судьбы. Рассказ "Донской казак Иван" - о тяжелой участи эмигрантов первой волны, о любви к России, к своим близким, о чувстве собственного достоинства и понятии чести. Рассказ "У нас в Париже" - не столько о человеческих судьбах в конкретной жизненной ситуации, сколько о любви к России, которую потеряли. Через судьбы героев рассказа "Смерть товарища Кирова" показано как все возвращается на круги своя в истории нескольких поколений.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Гайнулин

7 рассказов о любви

Глава

Донской казак Иван

1920 год, ноябрь. Белая армия покидала Крым, красные предложили им сдаться, но они отказались, и теперь их легендарные, но так и не сломленные полки, подчиняясь приказу, грузились на пароходы по всему побережью, чтобы уйти за кордон. Вместе с ними уходило и огромное количество беженцев: женщины, дети, старики...

На переполненных палубах они стояли плечом к плечу в невероятной тесноте. Все молчали, лишь изредка где-то вспыхивали глухие рыдания и тут же замолкали. Все смотрели в сторону берега, а он всё удалялся и удалялся, а потом исчез... навсегда.

Мимо кораблей пролетали чайки и пронзительно кричали, словно жалея и переживая за людей, у одних из которых в глазах застыли отчаяние и боль утраченного, тоска несбыв-

шихся надежд, у других — память бесчисленных атак, гибель друзей и горечь от того, что всё напрасно...

Прежняя Россия уплывала, чтобы уже никогда не вернуться...

Донской корпус генерала Абрамова эвакуировался из Керчи, последним на палубу отходящего корабля, на ходу поправляя винтовку, бегом влетел сурового вида казак из команды прикрытия, Иван Облакатов. Он устроился на самом краю кормы и, как и все, долго, не отрываясь, смотрел в сторону уходящего берега...

Когда достигли Константинополя, то корниловцев, марковцев, дроздовцев разместили на полуострове Галлиполи, кубанских казаков — на греческом острове Лемнос, а донских казаков — в маленьких турецких селениях Чилингир, Санджак-Тепе, Чаталджи. Все эти места находились во французской зоне оккупации бывшей Турецкой империи. Донским казакам предоставили совершенно не приспособленные для проживания полуразрушенные бараки, землянки, заброшенные овчарни; вокруг грязь, неприглядная скудная земля да чахлый кустарник на холмах, но умелые руки казаков и присущее им упорство неузнаваемо преобразили окрестность, сделав её пригодной и для жилья, и для службы.

Даже на чужбине они сумели сохранить дисциплину, порядок, силу духа и земляческую спаянность. Как в старые времена, возобновили занятия строевой и боевой подготов-

кой, словесностью и законом Божиим, организовали обучение ремеслам, курсы для офицеров, самодеятельный театр.

Но что-то требовалось еще, что-то для души, тоскующей по Родине, так появился ставший потом знаменитым на весь мир Донской казачий хор. Он пел по вечерам, завораживая мощью и красотой голосов. Когда же раздавались первые слова гимна «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон», то зрители, несколько тысяч казаков, вставали и как один, в едином порыве, начинали петь вместе с хором, и тогда, разрывая темноту ночи, песня неслась неудержимой лавой по всем долинам, ущельям, горам, словно русские на самом деле взяли Босфор и Дарданеллы...

Прошло полгода, армия сохраняла боеспособность и готова была снова воевать, шли разговоры о переброске на западный фронт или кораблями на Дальний Восток, однако ничего не происходило.

И только природа совершала свой неизменный круговорот: на смену холодным, злым ветрам пришла весна, и даже эта скудная земля стала оживать, покрываясь редкими островками зелени.

Несмотря на то общее, что объединяло казаков, у каждого из них в глубине души таилось что-то свое, сокровенное, о чем не говорилось вслух, но что в любой момент, неожиданно, могло напомнить о себе.

В один из погожих, весенних дней Иван Облакатов, тот

самый казак, что последним вбежал в Керчи на отходящий корабль, стоял на плацу и смотрел, как по голубому небу куда-то плыли белоснежные облака. Потом он заметил на большой высоте орла, орел немного покружил, покружил и полетел на север. «На Дон», — почему-то подумал Иван, и внезапно внутри него, пронзая сердечной болью, с неодолимой силой, мучительно и сладко зазвучало только одно единственное на свете слово: «Дон, Дон, Дон...» — и стремительно, как будто рухнула невидимая плотина, нахлынули волной, переполняя всего, лица родных, запахи трав, лугов, крики птиц, плеск воды, жар объятий, туман полей...

И в этот момент война длиною в шесть лет для бесстрашного казака, не раз смотревшего в лицо смерти, Ивана Облакотова, закончилась, как будто что-то оборвалось внутри. Потом он всё так же много раз маршировал по плацу, проносился галопом или рысью в конном строю, всё так же рука выхватывала шашку, но война, так долго составлявшая смысл и суть его жизни, ушла от него навсегда, растворилась тогда в необъятном голубом небе...

Вскоре казакам пришел приказ перебрасываться на остров Лемнос. Казаки возмутились, слишком много труда вложили они здесь, и вдруг перебираться на какой-то остров Лемнос, да ещё в худшие условия.

На время всё затихло, но однажды с рассветом к казачьему лагерю подъехали грузовики, оттуда стали выпрыгивать присланные французским командованием чернокожие сене-

гальцы с винтовками наперевес и избивать прикладами первых же оказавшихся на их пути казаков, завязались ожесточенные стычки. Первым казакам пришлось нелегко, появились раненые. Иван Облакатов отчаянно дрался сразу с пятью сенегальцами, но силы были неравны, под ударами прикладов поплыла под ногами земля, еще немного — и рухнет на землю, но со всех сторон уже бежали на помощь братья...

— Оружие не брать! — охрипшими голосами непрерывно кричали казачьи офицеры, успев выставить дополнительную охрану вокруг оружейных комнат. Развернулось настоящее сражение, казаки дрались лопатами и кольями против сенегальцев, вооруженных винтовками и штыками. Грозные сенегальцы, наводившие на всех ужас, всё-таки не выдержали и стали разбегаться в разные стороны. Лишь небольшой их части удалось встать кольцом вокруг французских офицеров, ошестинившись поднятыми винтовками, ждали только приказа, а напротив них — стена казаков. Щелкнули затворы — ни один казак даже не шелохнулся. Было видно, сенегальцы растеряны, не ожидали они такого отпора. Французский офицер, командовавший сенегальцами, стал размахивать какой-то бумагой, началась яростная перепалка на французском языке между казачьими офицерами и французскими... Наконец страсти улеглись, сенегальцы опустили винтовки, подобрали десятки своих раненых, погрузились в грузовики и уехали...

На следующий день все казаки были построены на плацу.

К ним вышел прибывший из штаба, с виду хмурый и недовольный, генерал Абрамов. Он прошел вдоль всего строя, пристально и сурово всматриваясь в казаков, ведь он знал каждого из них, и хотя сейчас ему приходилось отчитывать их, на самом деле он любил и гордился ими. Вернувшись на свое место, он зачитал личное обращение главнокомандующего Врангеля, призывавшего донцов успокоиться и принять к исполнению перевод на остров Лемнос. Инцидент удалось погасить, казаки покинули свой лагерь и из Константинополя на кораблях прибыли на остров Лемнос.

Остров Лемнос — голый, плоский остров в Эгейском море, почти без растительности. Кубанские казаки, размещенные здесь раньше, радушно встретили донцов. «Вместе не пропадем», — слышалось со всех сторон.

Донцы развернули большие, непромокаемые под дождем палатки. Жизнь снова налаживалась, но тоска по родине становилась все сильнее и сильнее...

Весной большевики объявили амнистию рядовым солдатам и казакам, желающим вернуться на Родину. Новость об этом быстро дошла до острова, вызвав брожение среди казаков.

— Нельзя возвращаться, — раздавались одни голоса, — вся борьба ещё впереди.

— Какая борьба, — раздавались другие голоса, — никакой борьбы уже не будет, нас предали, возвращаться надо, хватит воевать.

— Обещаниям их поверили, в рай большевистский захотели.

— А здесь что мы делать будем?

Так раскололось впервые нерушимое казачье единство, не удержалось...

К Ивану Облакатову подошел земляк, родом из одной с ним станицы, всегда удалой и веселый, а сейчас задумчивый, Федор Гладков:

— Иван, что скажешь про амнистию?

— Возвращаться буду, не могу я здесь, а там, — Иван махнул рукой, — будь что будет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.